

Недееспособная в национальном отношении власть не может обеспечивать суверенитет

С.С. Сулакишин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук

Текущая часть нашего семинара носит название дискуссии. Ловлю себя на мысли, с чем бы поспорить? Или о чем бы поспорить? Думаю, что не только я ищу подобную точку опоры. Доклад, безусловно, интересен, вполне самодостаточен. Я бы выделил два интеллектуальных достижения — некая дефиниция суверенитета с элементами творческой оригинальности и некий генезис этого понятия. Спорить с дефиницией, в общем, можно. Особенно уязвима «красивость» метафор типа «политическая собственность». Словесное изобретение имеет право на существование, но всегда возникает вопрос: зачем эта метафора? Зачем это новое словообразование? Дает ли оно новый инструментально-интеллектуальный потенциал или это дань творческим потребностям, существующим у каждого из нас? Вот любит творческий народ изобретать новые термины! Если бы еще и новые смыслы появлялись, суть вещей стояла бы за ними...

Генезис. Наверное, историки философии могли бы здесь сделать какие-то уточнения, но все это — что-то не то. В чем вызов? В чем задача? В чем актуальность проекции, которая порождается, и актуальность предположений, которые на финише должны были бы как-то во что-то воплотиться? Приходится самому генерировать эту формулу, определять, в чем вызов, в чем задача. Для себя я ее в пространстве, где циркулирует ключевое слово «суверенитет», обозначаю вопросом: «Суверенна ли современная Россия?». Вот этот вопрос

возбуждает, именно он позволяет увидеть какие-то скрытые, очень противоречивые, иногда закамуфлированные, иногда очень опасные тенденции нашей жизни, которые требуют реакции — и научной, и гражданской, и политической, и какой еще угодно. Хочется поблагодарить докладчика в том отношении, что он системно дает хорошие подсказки ходу мыслей — «внешний и внутренний» аспект суверенитета. Фрагментарно, за неимением времени, хочу поддержать его взгляд на вещи, а именно то, что внутренний суверенитет российской власти очень шаток, т. к. в Конституции у него нет основы, даже генезисной, как это было показано. Если мы читаем текст Конституции, то республики у нас являются государствами. Государство в государстве — это конструкция типа СССР, которая плохо заканчивается. Отсюда надо бы извлекать урок. Конечно, эту конструкцию из Конституции надо искоренять. Собственно, одна из работ нашего Центра, проектирующего комплекс поправок в действующую Конституцию, на этом и настаивает.

Внешний аспект. Признание во внешнеполитическом пространстве имеет несколько нюансов. Чем отличается признание политическим миром суверенитета Грузии от отношения к суверенитету Белоруссии и суверенитету России? Грузия, как таковая, от Белоруссии практически ничем не отличается. В отношении Грузии это явление — скорее политическое субсидирование, скорее игра. Суверенитет, институт суверенности является инструментом достижения политических, геополитических и иных целей на политической карте мира. То же самое имеет место в отношении Белоруссии. Она демонстрирует модель трансформации, которая, будучи реализованной в России, резко усилила бы и экономически, и политически мировой потенциал России. А это уже есть угроза. Именно поэтому надо подавить в зародыше саму мысль об иной модели социально-экономической трансформации, чем та, которая внедрена в России и очень успешно тормозит ее социально-экономическое развитие, восстановление по-

тенциала, и, главное, обустройство в будущем мощных потенциалов, которые объективно могли бы ей принадлежать.

Итак, если говорить о дееспособности власти, как об эквиваленте сущности суверенности, то посмотрим на Россию: суверенна ли она? Здесь неизбежно возникает такое обстоятельство, как способность (точнее дееспособность) в реализации национальных интересов страны на внешних площадках и способность обеспечить национальную безопасность России. Вроде бы Россия суверенна, вроде бы ей даже какие-то стаканы с водой на заседании G-8 подносят, вроде бы министров финансов хвалят, что они лучшие в мире во всей его истории, вроде бы Президент Путин «второй по влиятельности лидер» в мире и т. п. Но! Смотрим на золотовалютные резервы страны. В них 2,7% монетарного золота, а 98% — это зеленая бумага, которая хранится на счетах зарубежных банков. Смотрим на экономическую политику, в которой 5% ВВП — это профицит бюджета в условиях, когда население вымирает. А профицит вывозится опять-таки на счета зарубежных банков, вкладывается в ценные бумаги западных корпораций, капитализируя их, высасывая через налоги соки из российского бизнеса и перекачивая их, как через насос, в западные экономики. Если на таком пути раскладывать понятие дееспособности власти как эквивалентности суверенности, то возникают очень большие вопросы: суверенна ли Россия? Если этот вопрос возник, то возникает и следующий: что делать? Что менять? Как менять? Или дожидаться очередного кризиса, в котором произойдет вскрытие этого внутреннего гнояника, разъедающего суверенность России? Ответа нет, у меня лично нет. Это слишком сложная проблема. Спасибо докладчику за то, что мы к ней прикоснулись. Но вот тут-то и развернуть бы дискуссию, тут-то и найти бы те животрепещущие рекомендации для практикующих властей, политических группировок и институтов, для практикующих общественных групп и группочек, вроде нашей с вами. Но, к сожалению, здесь скорее многоточие получилось...

Вторая, очень короткая реплика — по поводу введения новообразования под названием «суверенная демократия». Удивительны обстоятельства, сложившиеся у нас в стране. Зададим вопрос: кто персонифицированным образом является властителем дум и идей? Кто в стране задает какой-то генеральный императив мыслительной конструкции развития страны, ее ценностных шкал, ее проекций, ее, кроме футбольных побед, национальной идеи? Упрощая, можно видеть, что это один-единственный человек — Владислав Юрьевич Сурков. Больше некому. Неслучайно Путин как-то раздраженно срефлексировал: «Сурков пока что у меня работает, а не я у него». Но ведь и сама эта реплика показывает, что проблема не ушла в прошлое со сменой позиции.

Сейчас мы слышим новое высочайшее словообразование — «свобода лучше, чем несвобода». И вся наша жизнь, вроде бы, должна подчиняться этому императиву, т. е. свобода для педофила лучше, чем несвобода для него; свобода для рынка, в которой минимизируется, обнуляется доля госрасходов в ВВП страны — это лучше, чем несвобода государственного перераспределения, хотя вся историческая тенденция прямо противоположна, а результаты для России видны в ее демографии, в вымирании страны.

В завершение своей эмоциональной реплики хочу сказать, что проблема в том, что король — голый. Вероятно, говорить об этом тоже нужно. Вероятно, эту проблему надо ставить. Самое главное — нужно искать ответ на вопрос: каким образом в России коллективный IQ, коллективная творческая и управленческая дееспособность правящей элиты, правящей группировки могут быть заменены на более состоятельные и кондиционные параметры. Задаю вопрос, сам не зная ответа. Но, думаю, что это существенное поле для дискуссии.